

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.П. Успенский

**Отшельник
учитель народа XVI-го века:
из истории монашеских движений на Руси**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 2. С. 295-308.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Отшельникъ—учитель народа XVI-го вѣка.

Изъ исторіи монашескихъ движеній на Руси.

ПРЕДЪ концомъ XV-го вѣка общежительные монастыри достигли цвѣтущаго состоянія. Обширныя вотчины и промыслы и значительныя денежные средства обезпечивали содержаніе многочисленной братіи. Какъ признакъ благосостоянія, стали появляться каменные здавія, сначала церкви, а затѣмъ ограды и келліи. При монастыряхъ, для управленія разныхъ монастырскихъ службъ, возникъ обширный дворъ мірскихъ слугъ и служебниковъ. Мірскія заботы проникли въ самую среду иночества. Посельскіе старцы и разнаго рода иноки-служебники разъѣзжали вѣкъ монастыря по вотчинамъ, промысламъ и городамъ ради дѣль, далекихъ отъ обѣтовъ иночества. Сама начальная братія, монастырскія власти, были завалены хлопотами по управленію разросшимся монастырскимъ хозяйствомъ. Однимъ словомъ, теперь монастыри зажили жизнью богатаго вотчинника, съ любовью заботящагося о преуспѣяніи и благоустройствѣ своихъ имѣній. Древній духъ отшельничества сталъ замѣтно меркнуть. Но воспоминанія о трудахъ и «тѣсномъ житіи» основателей монастырей и сподвижникахъ ихъ, ярко сіявшихъ изъ глубины временъ святостію жизни, были еще свѣжи среди многихъ иноковъ и стремленіе къ пустынно-жительству, поддерживаемое съ каждымъ годомъ расширявшеюся письменностію аскетическою, увлекало немалое число изъ монашествующихъ. Поэтому голоса, раздававшіеся противъ паденія иноческой жизни, были сильны и значительны. Главную причину упадка видѣли во владѣніи населенными мѣстами, но вскорѣ недовольство распространилось и на весь строй общежительныхъ монастырей. Болѣе ревностные начали покидать

ихъ, убѣгая въ пустынные мѣста. Появились небольшія пустыни, гдѣ жили одинъ-два и много десять-двѣнадцать отшельниковъ. Онѣ главное распространеніе получили въ предѣлахъ Бѣлозерскаго края, въ его пустынныхъ дѣсахъ. Пожить въ пустыняхъ за Волгою бѣжали и изъ подмосковскихъ монастырей. Отсюда отшельники, недовольные порядками общежительныхъ монастырей, получили названіе бѣлозерскихъ или заволжскихъ старцевъ.

Однимъ изъ такихъ былъ преп. Филиппъ Ирапскій. Дѣятельность его падаетъ на первую половину XVI в. († 1537 г.) *).

I.

У св. Корнилія.

Скитаніе по міру.—Въ службахъ Комельскаго монастыря.—Постриженіе.—
Послушанія и молитвенные подвиги.

Преп. Филиппъ происходилъ изъ крестьянъ, но родителей своихъ не помнилъ: во время голода оба они, отецъ и мать, скончались, оставивъ двухлѣтняго Теофила скитаться по міру

*) Источникомъ свѣдѣній о препод. Филиппѣ Ирапскомъ служить житіе его, составленное инокомъ Спасо-Каменнаго монастыря Германомъ, близко знавшимъ святого. Это житіе въ 1879 году издано Обществомъ Любителей Древней Письменности подъ редакцію профессора В. О. Ключевского по позднему списку поморскаго письма. „Это — единственный доселѣ, говоритъ проф. В. Ключевскій, извѣстный издателю списокъ Германава жизнеописанія преп. Филиппа“, и дѣлаетъ предположеніе, что архіеп. Филаретъ въ своемъ очеркѣ жизни этого преподобнаго (Русскіе святые, ч. III, ноябрь) „пользовался извѣстной позднѣйшей редакціей житія препод. Филиппа, составленной прямо по сказанію Германа, которое вовсе не погибло безслѣдно (такъ утверждаетъ архіеп. Филаретъ, тамъ же стр. 351) во время нашествія Ляховъ“ и что эта позднѣйшая редакція, болѣе краткая, появилась „не раньше 1673 года“, къ каковому относится послѣднее изъ девяти чудесъ, прилагаемыхъ къ житію по этой редакціи. Краткая редакція „также очень рѣдка: издателю она извѣстна только по двумъ позднимъ спискамъ въ рукописяхъ новаго письма“ (Житіе препод. Филиппа Ирапскаго. Изд. Общ. Люб. Древн. Письм. XLVI. 1879. р. V—VI. XII—XIII, XV). Среди книгъ Филиппо-Ирапской Троицкой пустыни мнѣ посчастливилось натолкнуться на второй списокъ житія протранной редакціи, болѣе древній, чѣмъ изданъ Общ. Люб. Древн. Письм. Онъ находится въ рукописи, помѣченной № 120 по монастырскому каталогу. Эта рукопись представляетъ собою книгу въ 16-ю долю листа изъ 224-хъ листковъ, писанную весьма тщательно полууставомъ съ киноварью и заключенную въ прочный кожаный переплетъ. Она озаглавлена: „О житіи святыхъ отецъ“... и содержитъ въ первой части: „Преданіе старца Нила пустытника ученикомъ своимъ“ (л. 1—168) и во второй: „Житіе и

именемъ Христовымъ. Переходя отъ одного добраго человѣка къ другому, осиротѣлый отрокъ достигъ предѣловъ обители св. Корнилія Комельскаго и здѣсь нѣкоторое время проживалъ у его вотчинныхъ крестьянъ, пока круглаго сироту не приютить у себя одинъ изъ нихъ, христоролюбивый мужъ Василій.

Отрокъ оказался необычайный. Жизнь безъ родительскаго крова и скитаніе у чужихъ людей по міру не повредили доброду мальчику. Онъ былъ послушливъ, скромнъ и трудопо-

подвизи преподобнаго отца нашего Филиппа, еже есть во области Бѣлозера, иже есть въ веси Андожской, въ край рѣки Андочи, въ Красномъ бору, Ирапскаго чудотворца“ (л. 168—224). По чему-то въ концѣ рукописи позднѣйшей рукою помѣчено: „начало сей книги 1673-го года, марта 3-го“. Признаки письма и бумаги дозволяютъ отвести появленіе рукописи къ этому времени, съ чемъ согласно и то обстоятельство, что послѣднее чудо, явленное отъ гроба преподобнаго и внесенное также въ книгу, относится именно къ этому году. При описаніи второго чуда—исцѣленіе болѣзни глазъ „нѣкоего человѣка именемъ Тимоѳея Мартынова сына“, бывшее въ 1661-мъ году—читается въ Филиппо-Ирапскомъ спискѣ такъ: „азъ же грѣшный Тимоѳей по явленіи томъ (преподобнаго) повели(?) въ пустыню и на пути исцѣленіе получивъ и бысть здравъ молитвами преподобнаго отца нашего Филиппа“ (об. 218). Если это не есть случайная ошибка переписчика, то слѣдовательно запись чудеса сдѣлалъ „нѣкій человѣкъ“ Тимоѳей Мартыновъ сынъ. Кто онъ такой, неизвѣстно, но можно изъ описанія чудеса о немъ сказать, что онъ былъ мѣстный житель, близко знакомый съ краемъ. Въ Филиппо-Ирапскомъ монастырѣ, кромѣ этого списка, имѣются еще два списка, сдѣланные въ текущемъ столѣтіи печатными буквами и сходные вполне со спискомъ рук. № 120. При одномъ изъ нихъ приложена служба преподобному. Кромѣ того, П. М. Бельтеневымъ мнѣ переданы три листка въ 4-тку, заключающіе въ себѣ отрывокъ полной редакціи. Писаны они, какъ можно полагать по письму полууставному и по бумагѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Житіе краткой редакціи извѣстно мнѣ по одному позднему списку въ сборникѣ житій бѣлозерскихъ святыхъ, составленному неизвѣстнымъ любителемъ мѣстной старины въ концѣ XVIII-го или началѣ XIX-го столѣтія. При этомъ спискѣ краткой редакціи чудеса не приложено, между тѣмъ въ четыре списка полной редакціи ихъ имѣются. Это тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить, что въ спискѣ поморскаго письма, изданномъ Общ. Люб. Древн. Письм., ихъ нѣтъ. Хронологическія данныя во второмъ и третьемъ спискѣ житія подправлены, какъ это сдѣлано въ извѣстныхъ проф. В. Ключевскому спискахъ краткой редакціи (Житіе... р. XXXIII—XXXIV), но въ спискѣ № 120, упомянутомъ отрывкѣ и въ спискѣ краткой редакціи они вполне сохранились тѣ же, что и въ Германовомъ житіи, изданномъ Общ. Люб. Древн. Письм. Вся печатная литература, относящаяся до св. Филиппа Ирапскаго, за исключеніемъ указаннаго не разъ изданія его житія, указана у В. В. Звѣринскаго въ „Матеріалахъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ“, ч. I, стр. 282, № 557.

бывъ, но что особенно изумляю простыхъ поселянъ, онъ долго молился по ночамъ Богу, оставаясь часто безъ сна, любилъ посѣщать церковь, держалъ строгій постъ и никто не видалъ, чтобы онъ когда-либо смѣялся надъ другими или участвовалъ въ кощунственныхъ играхъ, какъ это иногда дѣлають дѣти. Видя все это, сельскія власти рѣшили доложить о немъ Корнилію, а онъ попросилъ ихъ привести отрока къ нему, чтобы посмотрѣть его.

Съ радостію пошелъ Оеофилъ въ обитель и боязливо представилъ благолѣпному игумену, прося его въ слезахъ оставить въ обители потрудиться у святого мѣста. Корнилій внимательно разсмотрѣлъ отрока, привѣтливо спросилъ и, своими прозорливыми очами увидавъ, что Оеофилъ будетъ избраннѣйшимъ сосудомъ Богу, принялъ въ свою обитель, приказавъ быть ему въ мальчишкахъ у брата судоблюстителя. Тогда Оеофилу было лѣтъ двѣнадцать, и великокняжескій столъ въ Москвѣ только что занялъ великій князь Василій Ивановичъ (окт. 1505 г.).

Св. Корнилій былъ выходецъ изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Прибывъ сюда вмѣстѣ со своимъ дядей, виднымъ придворнымъ дьякомъ, онъ въ молодыхъ годахъ постригся и со всею пылкостью юной души предавался подвигамъ иночества. На ряду со всѣми проходилъ всѣ монастырскія службы и между прочимъ работалъ въ хлѣбнѣ (это было одно изъ трудныхъ послушаній) и писалъ книги. Пребываніе Корнилія въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ падаетъ на время, когда возгорѣлась борьба между строгими послѣдователями устава св. Кирилла и лицами, склонными терпѣть вѣрадывавшіяся мало-по-малу нарушенія преданій монастырскихъ. Перевѣсъ явно клонился на сторону «попущающихъ», и Корнилій, вмѣстѣ со многими другими, оставилъ мѣсто своего постриженія, однако вынесъ полное уваженіе къ основнымъ началамъ монастырскаго общежитія, какъ оно было установлено самимъ св. Кирилломъ. Нѣкоторое время онъ жилъ при Геннадіи, архіепископѣ новгородскомъ, и затѣмъ подвизался въ новгородскихъ пустыняхъ. Пеходъ вѣка застасть его въ вологодскихъ предѣлахъ, въ дикомъ комельскомъ лѣсу, гдѣ онъ на мѣстѣ разбойническаго стана съ ревностію принялся обстраивать общежительный монастырь. Крайности нѣкоторыхъ «бѣлозерскихъ старцевъ», подвергшихъ изъ-за видимыхъ злоупотребленій критикѣ во имя иноческаго идеала самыя начала общежительнаго подвижничества, были Корнилію чужды. Равно онъ не примкнулъ къ тѣмъ, которые не хотѣли

ничѣмъ ограничить накопленіе въ монастыряхъ земельныхъ угодій съ населенными вотчинами и чрезмѣрное умноженіе мірскихъ богатствъ, уклоняющихся шюковъ съ прямого ихъ пути. Однимъ словомъ онъ въ спорѣ между стяжателями и нестяжателями не склонился ни на ту, ни на другую сторону, а продолжалъ дѣло св. Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго. Это былъ въ порядкѣ преемства третій мужъ, на которомъ почилъ духъ, устрояющій шюческую жизнь въ предѣлахъ Московскаго государства. Корниліевъ уставъ, составленный для братіи Комельской обители, исполненъ глубокой вѣры въ живую силу общежительныхъ началъ, какъ исходящихъ отъ божественныхъ писаній и преданныхъ святыми отцами во спасеніе душамъ, и залогъ спасенія полагаетъ въ точномъ соблюденіи предписаній общежительнаго устава. Чтобы стяжаніе не растѣвало души шюка, уставъ запрещаетъ имѣть личную собственность и всѣмъ необходимымъ, нищей, одеждой и обувью, обезпечиваетъ изъ монастырской казны.

Когда прибылъ въ монастырь юный Оеофилъ, св. Корнилій едва только успѣлъ отстроить свою обитель, но братство уже тогда было довольно значительно, такъ какъ многіе сюда были привлечены строгостію жизни. На первыхъ порахъ Оеофилъ благословеніемъ шюмена былъ отданъ въ мальчики къ старцу судобностителю. Подробности организаціи службъ древне-русскихъ монастырей пока еще не выяснены. Извѣстно, что твердый строй получили только четыре службы: *клиросная*, обнимающая собою весь причтъ церковный—священниковъ и клирошанъ; *трапезная*, относящаяся къ приготовленію и вкушенію нищи, во главѣ ея стоялъ келарь; *казенная*, управляемая старцемъ казначеемъ, вѣдавшимъ приходъ и расходъ деньгамъ и зданіе—такъ называемую прежде «казну», гдѣ хранились движимость и рухлядь монастыря, и *житенная*, сосредоточившая въ рукахъ старца-житника сельское хозяйство обители. Къ какой изъ нихъ принадлежалъ «братъ судобноститель?» На первый взглядъ это былъ одинъ изъ подкеларниковъ, на которомъ лежала обязанность содержать въ порядкѣ и чистотѣ посуду, употребляемую при братской трапезѣ; но выраженіе житія «готовяще всякія сосуды» скорѣе относится не къ этой обязанности, а указываетъ по точному смыслу его именно на приготовленіе сосудовъ, на ихъ производство. Этимъ дѣломъ обычно занимались не въ монастырѣ, а за его оградой на такъ называемомъ «швалешномъ дворцѣ», гдѣ жили «дѣтеныши» и рабо-

тали на братію одежду, обувь, посуду. Ближайшимъ образомъ они находились въ вѣдѣній старца-казначая, который имъ заказывалъ и отъ нихъ принималъ для храненія въ казніѣ необходимыя принадлежности для братскаго обихода. Братъ же судоб.постительъ былъ однимъ изъ старцевъ-служебниковъ (келарь, казначей, житникъ—старцы власти), руководившій цѣльнымъ дѣломъ монастыря, т. е. производствомъ посуды и, быть можетъ, ея окраской. Въ службу на «шваленный дворъ» къ старцу судоб.постителю и поступилъ двѣнадцатилѣтній Теофиль: установившимся обычаемъ общежительныхъ монастырей, подтвержденнымъ на Стоглавомъ соборѣ, въ стѣнахъ монастыря вмѣстѣ съ монахами не полагалось жить мірскимъ людямъ и особенно «робятамъ голоусымъ». Здѣсь Теофиль пробылъ три года, служа братіи своими трудами прилежно и съ великимъ послушаніемъ. Постоянно усердную службу его засвидѣтельствовали предъ игуменомъ братъ-судоб.постительъ, и проткаго отрока полюбила вся братія.

Въ древнее время 15 лѣтъ считалось въ нѣкоторомъ родѣ совершеннолѣтіемъ. Во всякомъ случаѣ постриженіе въ эти годы было не рѣдкостью. Поэтому св. Корнилій увидавъ за три года, что Осеофиль будетъ добрымъ инокомъ, сталъ убѣждать его принять постриженіе своимъ увѣщаніемъ и словами святыхъ писаній. Поученія падали на воспріимчивую почву. Въ юности воспламенѣла горячая ревность къ иноческому подвигу. Онъ удвоилъ свои труды на пользу братіи и, подъ вліяніемъ искреннихъ словъ игумена, ощутилъ въ себѣ давно тлѣвшую склонность къ иночеству, рѣшился оставить міръ, взять на себя крестъ Христовъ и слѣдовать Господу. Рѣшеніе, принятое постепенно и добровольно, было безповоротнo и исключало всякія сомнѣнія. Чувствуя крѣпкую любовь ко Христу, онъ говорилъ себѣ: «истинная любовь подобна золотому сосуду, ему же никогда не бываетъ разбитія». Наконецъ пришелъ къ игумену, палъ предъ ногами его и просилъ у него постриженія во иноческій образъ, говоря: «воля Господня да будетъ, отче, по глаголу твоему». Постриженіе совершилось отъ руки святого Корнилія.

По уставу общежительныхъ монастырей, повоначальный инокъ Филиппъ въ наученіе чернецкаго житія былъ отданъ старцу Флавіану, иноку святой и высоко-духовной жизни и притомъ «зѣло искусну и учительну и божественному писанію довольну». Старецъ-руководитель прежде всего научилъ пят-

надцатилѣтняго инока грамотѣ, затѣмъ божественному писанію, чтенію и пѣнію церковному и наконецъ «всему яже ко спасенію». Грамота далась легко и все книжное наученіе Богъ Филиппу открывалъ «вскорѣ». Продолжительность этого ученія не указана къ сожалѣнію, но она должна быть не менѣе года и скорѣе всего заняла года два—три. Правда, книжная мудрость того времени была не велика, но все же она заключала въ себѣ, какъ видно между прочимъ изъ вышесказаннаго, умѣніе читать, писать и пѣть, нелегко дающіяся и при улучшен- ныхъ способахъ преподаванія.

Только послѣ того, какъ Филиппъ все необходимое для инока усвоилъ и подъ руководствомъ опытнаго старца укрѣнился въ иноческой жизни, онъ сталъ наравнѣ съ прочею братією проходить монастырскія службы. Особенно долго времени онъ провелъ въ пекарнѣ, исполняя черную работу на братію: сѣкъ дрова, носилъ воду. Хлѣбная пекарня и «ѣстовная поварня» принадлежали къ трапезной службѣ и находились подъ управленіемъ подкеларниковъ. Преп. Филиппъ, какъ видно, не былъ подкеларникомъ, но крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Воспоминанія вполнѣдствіи объ этомъ времени своего иночества, самъ Филиппъ говорилъ одному изъ своихъ почитателей, что многую имѣлъ теплоту и желаніе къ иноческому житію: днемъ исправлялъ монастырскія послушанія, а ночью подвизался въ молитвѣ. Жизнеописатель, желая возвеличить подвигъ святого, не разъ обращается къ описанію его молитвы. Она была соединена съ крѣпкопреклоненіемъ, многими поклонами: продолжалась долго ночью и начиналась рано утромъ; постъ, строгое воздержаніе и лишеніе себя сна постоянно сопутствовали ей. Это былъ непрерывный восторженный подвигъ самоизнуренія плоти на пользу духа. На ночную молитву инокъ ходилъ туда, гдѣ имѣлъ обычай молиться ихъ отецъ св. Корнилій, а именно къ монастырской церкви. Вступивъ на первую ступень храма, онъ клалъ сто поклоновъ и такъ дѣлалъ на каждой изъ восемнадцати ступеней. Поднявшись на верхнюю, сходилъ внизъ и также продолжалъ молитву съ поклонами, пока не ударили въ било. Тогда спѣшилъ къ церковному пѣнію или отходилъ на монастырскую службу.

Среди постоянныхъ подвиговъ и молитвы Филиппъ прошелъ постепенно за многіе годы всѣ монастырскія службы. Братія, видя его труды и великіе подвиги, начала просить игумена поставить его пресвитеромъ у нихъ. Желаніе братіи было ис-

пошено. Вступивъ въ священный чинъ, преп. Филиппъ съ прежнею ревностію продолжалъ свои подвиги и былъ великимъ труженникомъ въ церкви Божіей, все исполняя со тщаніемъ.

II.

Созданіе Ирапской пустыни.

Сомнѣнія.—Чудный голосъ.—Путешествіе по бѣлозерскимъ пустынямъ.— На рѣкѣ Лидогъ между Ирапами.—Князя Шелешпанскіе.—Постепенное устроеніе во имя Св. Троицы пустыни въ Красномъ бору.

Суровая жизнь, исполненная необычайныхъ подвиговъ, обратила на себя вниманіе иноковъ монастыря и молва о появленіи святого разнеслась широко. Какъ всегда, слава имѣла свое дѣйствіе. Преп. Филиппу было около 25 лѣтъ, а онъ изъ круглыхъ сиротъ, не имѣющихъ пристанища, за десять какихъ-либо лѣтъ жизни инокомъ успѣлъ пройти все монастырскія службы и былъ уже пресвитеромъ. Необычайный успѣхъ развилъ зависть нѣкоторыхъ собратій. Но это еще не все. Повидимому теперь Филиппъ стоялъ на высотѣ духовной жизни, но теперь же начался у него самая тяжелая душевная терзанія предъ опасностью потерять предъ Богомъ всю цѣну подвиговъ. Подъ вліяніемъ человѣческихъ похвалъ, въ душу смиреннаго инока проникла тля гордости, смѣнявшаяся сознаніемъ ничтожества его молитвенныхъ подвиговъ, или даже отчаяніемъ въ своемъ спасеніи. Слыша похвалы, онъ взывалъ къ себѣ: «горе тебѣ, Филиппе!» Миръ души былъ нарушенъ. Продолженіе подвига спасенія стало невозможно, и онъ задумалъ выйти изъ монастыря и уединиться одному въ пустынномъ мѣстѣ, которое укажетъ Господь. Возникоущія его сомнѣнія повѣдалъ онъ св. Корнилию и, тотъ, давъ довольное наставленіе изъ божественныхъ писаній, благословилъ оставить монастырь.

Теперь свое желаніе и свои душевныя мученія Филиппъ началъ изливать въ молитвѣ къ Пресвятой Богородицѣ. И разъ ночью, когда пѣлъ канонъ Одиитріи, услышалъ чудный призывъ выйти изъ монастыря и поселиться на уготованномъ для него мѣстѣ. Посмотрѣвъ въ оконце кельи своей, онъ узрѣлъ надъ дальною странюю сіяющій свѣтъ, какъ заря пресвѣтлая. Въ ужасѣ вынелъ изъ кельи, признавъ въ дивномъ свѣтѣ указаніе мѣста. Теперь онъ подыскивалъ только удобное время для выхода, но когда онъ шелъ совершать по обычаю степенныя молитвы, услышалъ вторично гласъ, повелѣвающій

оставить Корнеліевъ монастырь и вселиться въ указанное мѣсто.

Всѣ гнетущія сомнѣнія кончились. Тайно ночью Филиппъ оставилъ монастырь, не взявъ съ собою ничего, кромѣ одежды, которую на себѣ носилъ. Путь свой онъ направилъ къ сѣверу на Каменный островъ въ монастырь Всемиловскаго Спаса, что на Кубенскомъ озерѣ. Здѣсь онъ остановился у нѣкоего шюка по имени Германа. Это былъ одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей сѣвернаго края.

Внутренняя жизнь Спасо-Каменнаго монастыря, взгляды его братіи, мало извѣстны, но скорѣе всего здѣсь были на сторонѣ нестяжателей. Извѣстный Паисій Ярославовъ былъ постриженникъ этого монастыря и жилъ тамъ нѣкоторое время. А онъ первый обнаружилъ образъ мыслей, впоследствии развитый бѣлозерскими пустынниками; и считается учителемъ пренд. Никола Сорскаго, лучшаго представителя этихъ взглядовъ. Въ описываемое время ихъ придерживался старецъ Германъ, весьма кншжный человѣкъ и «благопскусный писатель».

Въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣковъ между монастырями и пустынями были оживленные сношенія. Поднятый споръ о владѣніи населенными вотчинами требовалъ постоянного обмена мыслей. Зимняя дорога изъ Бѣлозерскаго края, гдѣ проживала большая часть «нестяжателей», шла на Москву чрезъ Вологду, мимо Корнеліевой обители. Поэтому, хотя самъ игумень ея ни на ту ни на другую сторону не склонялся, взгляды бѣлозерскихъ пустынниковъ, конечно, были хорошо извѣстны въ его монастырѣ. Прен. Филиппъ, какъ человѣкъ книжный и вдумчивый, не могъ ихъ не знать. Пропехожденіе изъ крестьянъ, живущихъ трудами рукъ своихъ, скитаніе безпріютнымъ спротою, высокая настроенность души, ощущеніе правды Божіей — все это прен. Филиппа ставило на сторону святаго Никола Сорскаго и его послѣдователей. Указанное мѣсто ему для жительства лежало на юго-западъ, а онъ пошелъ прямо на сѣверъ. Зачѣмъ? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: посѣтить тѣ мѣста, гдѣ раздѣляемые имъ взгляды находили широкое распространеніе. Въ Каменномъ монастырѣ онъ останавливается въ келліи у старца Германа, завѣдомаго сторонника бѣлозерскихъ пустынниковъ. Если бы даже раньше онъ ничего не слышалъ, то одна уже бесѣда съ этимъ «благопскуснымъ шюкомъ» должна была прояснить его кругозоръ, дать смыслъ его душевнымъ терзаніямъ; вполнѣ родственнымъ на-

строенію «нестяжателей». Дѣйствительно, онъ, напутствуемый благожеланіями Германа, вышелъ изъ Спасо-Каменнаго монастыря «радуясь», т. е. нашедши разрѣшеніе своихъ сомнѣній, и обходилъ «многія страны южныя (Бѣлозерскій край приходится на юго-западъ отъ Каменнаго монастыря), грады и веси» съ сознательнымъ желаніемъ пустынножительствовавать и съ чувствами, обнаруживающими образъ мыслей бѣлозерскихъ пустышниковъ. Послѣ долгихъ путешествій, Филиппъ прибылъ въ городъ на Бѣлозеро. Въ житіи не сказано, посѣщалъ ли онъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, Оерапонтovu пустыню, Нило-Сорскій скитъ и другія пустыни Бѣлозерскаго края, гдѣ могъ найти себѣ единомышленниковъ, но онъ лежалъ какъ разъ на пути изъ Каменнаго монастыря къ Бѣлозерску. Во всякомъ случаѣ позднѣйшія поученія Филиппа говорятъ о близкомъ родствѣ взглядовъ.

Изъ Бѣлозерска путешественникъ прямо направился въ Андогу. Въ настоящее время, какъ и въ прежнее, этимъ именемъ называютъ какъ рѣку, такъ и цѣлый рядъ селъ, возникшихъ по лѣвую сторону ея, въ вышшемъ Череновскомъ уѣздѣ. Это Великосельскій, Николо-Богоявленскій, Становскій, Пречистовскій, Михайловскій и Оедото-Раменскій приходы. Селитба весьма обширная и многолюдная. Обошедши многія мѣста Андогскаго края, Филиппъ, пораженный красотой мѣстности, остановился на берегу рѣки Андоги между ручьями, въ нее впадающими, Большимъ и Малымъ Трапами, среди прекраснаго сосноваго бора, далеко простирающагося вверхъ и внизъ по теченію рѣки. Мѣсто было пустынно и величественно, весьма удобное для поселенія одинокаго инока, такъ что невольно вырвалось изъ устъ утомленнаго путника: «се покой мой, здѣ вселюся». Послѣ долгихъ разысканій цѣль была достигнута. День склонился къ ночи. Путникъ прилегъ подъ одну изъ сосенъ отдохнуть и вскорѣ отъ усталости уснулъ. Тогда во снѣ явился ему ангелъ Господень, подъ видомъ мужа въ свѣтлыхъ одеждахъ и сказалъ ему: «отче Филиппе, здѣ уготова тебѣ Господь мѣсто». Разбуженный отъ сна видѣніемъ, онъ изложилъ свою душу въ молитвѣ Святой Троицѣ, а утромъ пошелъ къ намѣстнику доложить о поселеніи и испросить необходимое мѣсто для житія.

Житія святыхъ имѣютъ свою цѣлю нравственное назиданіе. Поэтому они скуны въ сообщеніи бытовыхъ подробностей. Но здѣсь мы наталкиваемся на нѣсколько драгоцѣнныхъ ука-

заній, которыя открываютъ предъ нами въ живыхъ чертахъ обстановку древняго быта, когда доживали послѣдніе удѣльные князья.

Тогда намѣстникомъ Андогскаго края былъ князь Андрей Васильевичъ Шелешпанскій, жившій здѣсь вмѣстѣ со своимъ братомъ Иваномъ. Князья Шелешпанскіе родъ свой вели отъ перваго удѣльнаго бѣлозерскаго князя Глѣба Васильковича († 1278 г.). Когда Бѣлозерскій удѣль предъ концомъ XIV-го вѣка подпалъ подъ власть Москвы, мѣстные удѣльные князья, за исключеніемъ старшей ихъ линіи, продолжали существовать, сидя на своихъ маленькихъ удѣлахъ и будучи подручниками сначала великокняжескаго брата Андрея Дмитриевича, а затѣмъ его сына Михаила Андреевича. За XV-й вѣкъ изъ мелкихъ бѣлозерскихъ удѣловъ извѣстны Сугорскій, Ухтомскій, Шелешпанскій, въ предѣлахъ котораго находился Андогскій край, Карголомскій и Кемскій. Въ границахъ своихъ владѣній князья эти сохранили полную власть, держали свой дворъ, имѣли слугъ и тиуновъ, давали отъ своего имени жалованныя грамоты на земли, скрѣпляли доклады о покункѣ и мѣнѣ земель. Со смертію кн. Михаила Андреевича († 1486 г.), великимъ княземъ Иваномъ III Бѣлозерскій удѣль окончательно былъ уничтоженъ, сталъ уѣздомъ Московскаго государства, но мелкіе удѣльные князья продолжали существовать на старыхъ основаніяхъ и прежняя удѣльная власть не исчезла для нихъ безслѣдно при новыхъ государственныхъ порядкахъ. Таковъ во всякомъ случаѣ былъ князь Андрей Васильевичъ Шелешпанскій. Москва признала его намѣстникомъ его родовыхъ владѣній и чрезъ то сохранила за нимъ прирожденную ему государственную власть надъ мѣстнымъ краемъ.

Князья Шелешпанскіе были извѣстны препод. Филиппу. Родичъ ихъ, князь Семень Андреевичъ, родной дядя ихъ отца Василья Ивановича, далъ по рѣкѣ Ухтомѣ въ монастырь препод. Корнилію селоцо Нявольское-Кукбой съ деревнями, находившіяся недалеко отъ Комельской обители по рѣкѣ Шексѣ (А. Ю. №№ 79, 146, 147). Выходецъ комельскій былъ принять благосклонно. Князь Андрей самъ отправился на мѣсто, по просьбѣ святого подъ его поселеніе очертилъ посохомъ немало земли отъ рѣки Андоги къ Малому Ирапу и разрѣшилъ тутъ житье. Получивъ необходимое разрѣшеніе на житье, Филиппъ предался устроению своей пустыни. Прежде всего по княжескому чертежу, для огражденія своихъ

владѣній, порыть ровъ, а затѣмъ въ крутомъ берегу рѣки Андоги ископалъ небольшую пещеру для жилья и подвиговъ молитвенныхъ.

Князь Андрей былъ радъ, что въ его области поселился святой мужъ и что имъ устроится пустыня, и сообщилъ о томъ брату своему, князю Ивану. Вскорѣ случился ширь, который князь Андрей давалъ, по выраженію житія, «на священниковъ и крестьянъ». Очевидно, между княземъ и его народомъ существовали простыя и близкія отношенія. Былъ, вѣроятно, какой-либо мѣстный праздникъ или князь правилъ одну изъ своихъ семейныхъ радостей. Въ древнее время монастырь для благоустройства края считался необходимою принадлежностію. Часто даже князья или иногда земскіе люди сами по своему желанію заводили монастыри, призывая для того опытнаго старца. Поэтому, узнавъ отъ своего «обладателя» о поселеніи въ ихъ краѣ старца-отшельника, имѣющаго священническій чинъ, всѣ радовались, но князь Иванъ теперь почему-то высказалъ неудержимый гнѣвъ и, грозя выгнать съ Ирана Филиппа, укорялъ брата: «ты егопустилъ тутъ жить, а у меня онъ не докладывался». Никакихъ увѣщаній и просьбъ разгнѣванный князь не послушался, а вскочилъ на коня и погналъ къ пустыни. Подбѣжавъ къ Малому Ирану, чрезъ ручей конь не пошелъ. Князь ударилъ коня бичемъ, но тотъ разгорячился и, закусивъ удила, бѣшено понесся назадъ. Прибѣжавъ въ село, возлѣ церкви Николая Чудотворца, конь сбросилъ князя съ себя и князь, ударившись о камень, скончался. Разбитаго князя погребли честно. О случившемся братъ поѣхалъ возвѣстить отшельника. Узнавъ о всемъ, преподобный «восплака», но серебра (денегъ) на поминъ души не принялъ, а просилъ дать побольше земли подъ пустыню: отведено было мѣста дѣйствительно немного, нѣсколько сажень. Князь пожаловалъ всю землю между Малымъ и Большимъ Ирапами, выдающимися въ рѣку Андогу, на разстояніи другъ отъ друга сажень двухсотъ, и навсегда укрѣпиль ее за пустыней Филиппа. Съ этого времени благочестивый князь сталъ питать большую вѣру къ преподобному, своимъ поселянамъ заказалъ быть въ послушаніи и никакъ не обижать его и посылать необходимое на потребу.

Теперь отшельникъ съ ревностію принялся за устроеніе своей пустыни. Прежде всего поставилъ для молитвы часовню во имя Живоначальныя Троицы. Затѣмъ соорудилъ деревянную

келью. Появленіе старца-отшельника въ андогскихъ лѣсахъ на Иранѣ стало извѣстнымъ широко кругомъ. Многіе приходили къ нему ради душевной пользы и для молитвы, особенно изъ ближайшихъ селъ. Филиппъ сталъ убѣждать ихъ согласиться и общими силами выстроить церковь. Совѣтъ былъ принятъ охотно. Начали готовить бревна, а вскорѣ воздвигнули и весь храмъ. Его обильно украсили «Божіимъ милосердіемъ», т. е. святыми иконами. Князь Андрей Васильевичъ далъ святое Евангеліе напрестольное, Апостоль и нныя книги и утварь церковную. Новосозданную церковь освятили во имя Живоначальной Троицы. Тогда Бѣлозерскій край принадлежалъ Ростовской епархіи. Пустыня прослыла Красноторскою Филиппа Иранскаго. А приходило сюда слушать поученія дивнаго старца и помолиться съ нимъ стали еще больше. Многіе приходили изъ дальнихъ странъ. Слава пустыни и ея подвижника съ каждымъ годомъ росла.

Но чтобы устроить святое мѣсто, чтобы укрѣпиться въ немъ прочно и внушить уваженіе къ нему народа, пришлось пострадать, по собственному свидѣтельству препод. Филиппа, много и сильно отъ бѣсовъ и злыхъ людей. Жить въ глухомъ лѣсу вдаль отъ жилищъ—дѣло нелегкое. Трудно охранять и поддерживать жизнь, но еще труднѣе уберечься отъ «страхованій» на пустынномъ мѣстѣ и не впасть въ уныніе отъ непосильной борьбы. Въ борьбѣ съ темными людьми, не боящимися Бога, Филиппъ противопоставилъ терпѣніе, кротость, слово убѣжденія и молитвы за нападающихъ и укрѣплялся вѣрою, что жить въ пустынѣ указано ему самимъ Господомъ. «Терпи Филиппе, Бога ради своего, мужайся и крѣпись единь единственно», воодушевлялъ онъ себя въ трудныхъ обстоятельствахъ. Слово убѣжденія, обращенное къ приходящимъ, и незлобивая исполненная высокихъ подвиговъ жизнь преподобнаго обезоружила его противниковъ, снискавъ уваженіе и любовь къ нему окрестнаго населенія. Окружные поселяне сдѣлались его горячими приверженцами и защитниками.

Теперь отшельникъ могъ безъ помѣхи предаться подвигу спасенія, поученію и молитвѣ за благовѣрныхъ князей, содержащихъ подъ своею державою Россійскую землю, и за все православное христіанство, чтобы вездѣ было мирно, безгрѣшно и благополучно. Эта молитва *за князей*, когда на Руси былъ одинъ державный князь, является пережиткомъ глубокой древности, напоминающимъ времена игумена Даниїла, возжег-

шаго надъ гробомъ Господнимъ въ Іерусалимѣ лампаду за вся рускія князи и за христіаны. Въ дни преп. Филиппа Франскаго великорусское племя фактически было уже объединено подъ крѣпкою рукою московскаго великаго князя и единственными остатками отжившаго удѣльнаго уклада Руси были «сельскіе князи», въ родѣ братьевъ Шелешпанскихъ, отказавшіеся во имя тѣни самостоятельной власти отъ придворныхъ почестей, да довольно обширный кругъ потомковъ удѣльныхъ князей, плотною стѣною обставшій московскаго государя и своими привычками, унаслѣдованными отъ отцевъ-владѣтельныхъ князей, стѣняявшій его державную дѣятельность среди русскаго народа *).

† Н. П. Успенскій.

---

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки